

Библиография литературной критики и эссеистики А.С. Долинина, 1906–1920 гг.

© 2021, О.А. Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Библиография литературной критики и эссеистики (статей, обзоров, рецензий, литературных портретов и параллелей, критико-биографических очерков и проч.) Аркадия Семеновича Долинина (1880–1968) дает представление о творческих интересах одного из крупнейших советских литературоведов до начала его собственно научной деятельности, в первые два десятилетия XX в. Прослежен путь Долинина-критика в единстве его обращений к классической и современной ему литературе, в динамике художественно-эстетических предпочтений (от реализма к модернизму), в напряженности религиозно-философских исканий и общественно-политической борьбы. Раскрыты особенности критического метода Долинина как биографико-психологического вчувствования и отрицания крайностей социологического («пыпинизм») и формально-эстетического («шкловскизм») подходов, а также реализации принципа «вершинности»; прокомментированы идейно-творческие отношения с его учителем по Петроградскому университету С.А. Венгеровым. Особое внимание уделено интенсивной литературно-критической деятельности Долинина 1918–1920 гг. в архангельской газете «Возрождение Севера», где он вел хронике литературной жизни России на историческом переломе. Важной заслугой Долинина стало открытие молодых, еще неизвестных талантов: Л.М. Леонова, Б.В. Шергина, А.В. Туфанова.

Ключевые слова: А.С. Долинин, наука о Ф.М. Достоевском, литературная критика, эссеистика, библиография, Серебряный век, С.А. Венгеров, модернизм, газета «Возрождение Севера».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069, Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru.

Для цитирования: *Богданова О.А.* Библиография литературной критики и эссеистики А.С. Долинина, 1906–1920 гг. // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 407–431. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-407-431>

Обращаясь в год 200-летия Ф.М. Достоевского к истории науки о великом писателе, нельзя не вспомнить Аркадия Семеновича Долинина (настоящая фамилия Искоз), который, наряду с А.Л. Бемом, Л.П. Гроссманом, В.Л. Комаровичем и др., стоял у ее истоков в 1920-е годы. Помимо ряда ценных аналитических работ, его вкладом в освоение наследия Достоевского была публикаторская, комментаторская и редакторская деятельность. Это, в первую очередь, составленные им два сборника «Достоевский. Статьи и материалы» (Пб.: Мысль, 1922–1924), в которых Долинин собрал весь цвет тогдашнего литературоведения без каких-либо «направленческих» ограничений, включив туда работы религиозно-философского, формально-поэтического, текстологического, историко-фактологического характера, до сих пор сохраняющие первостепенную научную ценность. Событием стала подготовленная Долининым книга А.П. Сусловой «Годы близости с Достоевским: Дневник. — Повесть. — Письма» (М.: М. и С. Сабашниковы, 1928) — важнейший источник изучения биографии и творчества Достоевского 1860-х гг. Настоящим «исследовательским подвигом» [11, с. 117] справедливо называют подготовленное Долининым 4-томное собрание писем Достоевского (1928–1959); комментарии к ним «содержали огромный фактический материал, <...> без обращения к которому <...> невозможна научная работа над Достоевским» [21, с. 233]. В 1930-е годы, возглавляя работу по изучению Достоевского в Пушкинском Доме, Долинин выпустил сборник «Достоевский. Материалы и исследования» (1935), где впервые на языке оригинала были опубликованы с его подробными комментариями рукописи «Братьев Карамазовых» и другие ценные находки. Вскоре после этого ученый был отстранен от преподавания в ЛГУ, а свою первую монографию «В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа “Подросток”»)» (Л.: Советский писатель, 1947), по выходе получившую убийственную оценку в официальной прессе [2], смог опубликовать только в возрасте 67 лет. Вторая, итоговая, монография Долинина «Последние романы Достоевского. Как создавались “Подросток” и “Братья Карамазовы”» (М.; Л.: Советский писатель, 1963), включившая исследования 1930–1940-х гг., появилась лишь в годы «оттепели». Ценой болезненных компромиссов ученому удалось сохранить присутствие Достоевского в советской печати даже в самые идеологически нетерпимые 1930–1950-е гг. В 1964 г. важнейшей вехой мирового достоевсковедения стал выход подготовленного под руководством Долинина двухтомного издания «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников», по

объему и научному аппарату далеко превосшедшего аналогичную книгу В.Е. Чехихина-Ветринского (1923). В последние годы жизни ученый принимал деятельное участие в подготовке 10-томного собрания сочинений писателя (М.: Гослитиздат, 1956–1958), а затем и начинавшегося в Пушкинском Доме ПСС Достоевского в 30 томах и «достоевских» томов «Литературного наследства»¹. Как педагог Долинин вырастил плеяду учеников и помощников, справедливо считавших его «патриархом отечественной науки о Достоевском» [4, с. 8] — ведь автор «Подростка» стал главным объектом изучения Долинина еще в 1921 г.

Если сопоставить даты рождения ученого и его «посвящения» в сугубые достоевковеды, то увидим, что последнее событие произошло в жизни Долинина в достаточно зрелом 40-летнем возрасте. Жаркая научная полемика 1920–1930-х гг., перипетии личной судьбы в последующие советские десятилетия во многом заслонили от нас облик молодого, дореволюционного Долинина. Да и сам ученый способствовал такому положению дел, стараясь не афишировать свои занятия, убеждения, вкусы 1910-х гг. «Долинин хотя и не забыл своих статей и эссе о символистах и революции (он сохранял вырезки из “Северного Возрождения”² и “Воли народа”, что было небезопасно), — писал лично знавший его в 1960-е гг. В.А. Туниманов, — но в разговорах особенно старался не касаться декадентского и эсеровского прошлого» [20, с. 11]. Стирая патину времени, под слоем приверженца марксистско-ленинского литературоведения и преподавателя советского вуза мы обнаруживаем литературного критика 1910-х гг., модернистской ориентации, вышедшего из знаменитого Пушкинского семинария С.А. Венгерова в Петербургском университете. Ранее этой стороны творческой деятельности известного литературоведа касались В.А. Туниманов, А.А. Долинин и Е.Н. Дрыжакова [20; 6; 9]. В настоящей статье предпринята попытка создания целостного образа Долинина-критика.

Еще в начале 1900-х, спасаясь от ареста за социал-демократическую агитацию среди крестьян Гжатского уезда, юный Долинин (тогда еще Искоз) был вынужден уехать за границу. В 1904–1906 гг. он учился и работал в Вене, где в 1906 г. опубликовал на немецком языке свою первую статью «О символистах» (№ 1)³, само название

¹ Подробнее см.: [5].

² Правильно: «Возрождение Севера».

³ Здесь и далее с указанием № даны отсылки к библиографии в Приложении к наст. статье. — Хотя в ряде справочных изданий (КЛЭ, [1, с. 101–102]) указано на то, что литературная деятельность А.С. Долинина началась в 1905 г., документальных подтверждений этому мы не нашли.

которой свидетельствует о характере его литературных интересов. В 1907 г. Искоз-Долинин уже в Петербурге — он студент словесного отделения историко-филологического факультета университета. Здесь он присоединяется к Пушкинскому семинарию профессора С.А. Венгерова, где в 1909 г. читает доклад о «Цыганах», опубликованный в первом сборнике «Пушкинист» в 1914 г. (№ 12).

За годы своего существования (1908–1920) венгеровский семинарий стал местом профессионального становления многих выдающихся ученых — Б.М. Энгельгардта, А.Л. Бема, В.Л. Комаровича, Ю.Г. Оксмана, С.М. Бонди, Б.М. Эйхенбаума, А.Г. Фомина, Ю.А. Никольского и др. «Семен Афанасьевич, как профессор и руководитель студентов, — писал известный библиограф Фомин в 1922 г., — сыграл видную и благотворную роль, он сумел в <...> студенческой молодежи возбудить серьезный интерес к литературе, любовь к ней, побудить к научной работе, привить научные навыки». Хотя он и не сформировал собственной научной школы и многие его ученики стали сторонниками иных подходов и методов изучения литературы, нет сомнения в том, что «он создал большую энергичную семью молодых исследователей <...>» [18, с. XXXII–XXXIII].

Многие годы Долинин сохранял дружеские и творческие контакты с бывшими семинаристами Венгерова. Так, Эйхенбаум в 1914 г. откликнулся рецензией на сборник «Пушкинист», в котором выделил со знаком плюс статью Долинина о «Цыганах»: «А.С. Долинин-Искоз знаком нам по многим своим критическим статьям. Я помню его оригинальную статью о “Повестях Белкина”, помню его статьи о Сологубе, о Б. Зайцеве, о Достоевском (в “Новом энциклопедическом словаре”)». Рецензент выделил черты творческой манеры Долинина: «полная оригинальность и замечательная сконцентрированность мысли», а также эмоциональный «подъем» [22, с. 309]. Содержательную характеристику своего критического метода дал в 1923 г. сам Долинин в статье «Тургенев и Чехов»: это, во-первых, «состояние свободы и покорной пассивности восприятия, которое одно характеризует истинный процесс вчувствования <...>», во-вторых — стремление «к более или менее одинаковой с художником настроенности», в которой он видел «единственный способ адекватного понимания творца» и готовность «жертвовать ради нее формальными требованиями логической достоверности, заменяя их психологической уверенностью <...>» [7, с. 332].

Помимо историко-литературных работ о прозе Пушкина и Достоевского (см.: [3]), в 1910-е гг. Долинин печатал в петербургских изданиях критические статьи о современных ему авторах —

А.М. Ремизове, Федоре Сологубе, Б.К. Зайцеве, Д.С. Мережковском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. В рецензиях на книги В.Ф. Саводника, Л.Я. Гуревич, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.Ф. Переверзева он выступал против публицистико-социологического направления в критике и литературоведении и призывал к анализу художественных форм. «В критических этюдах о творчестве писателей-современников <...> Долинин стремился выявить психологические доминанты творческой личности художника, постичь “основную суть его метафизики”. Так, Б.К. Зайцев для него — писатель, который всегда воспринимает мир “как святую тайну, религиозно, благоговейно” <...>, Ф. Сологуб — “отрешенный”, умеющий видеть только себя и умышленно разрывающий связи с действительностью <...> и т.п.» [6].

Получив диплом об окончании университета в 1912 г., Долинин преподавал русскую словесность в учебных заведениях Петербурга. В 1915–1917 гг. находился в действующей армии, в саперных частях на Рижском фронте, как брат милосердия. Революцию принял «в духе эсеров», утверждавших правоту «народной стихии», несмотря на ее жестокость [9, с. 447]. Октябрь 1917 г. встретил в Петрограде, затем был привлечен Венгеровым к работе в Книжной палате, откуда командирован в Архангельскую губернию для сбора старообрядческих рукописей. Таким образом, уехав из большевистского Петрограда, Долинин в результате военных действий вскоре вместе с семьей оказался на территории так называемой Северной области (Северной России) с административной столицей в Архангельске, со 2 августа 1918 по февраль 1920 г. находившейся под контролем войск Антанты и Белой армии, а 30 апреля 1919 г. признавшей верховную власть А.В. Колчака. В областном Временном правительстве прочные позиции занимали эсеры во главе с Н.В. Чайковским.

Живя в Архангельске, в 1918–1920 гг. Долинин преподавал в местном педагогическом институте и редактировал воскресный отдел «Литература, наука и искусство» в «ежедневной областной общесоциалистической газете» «Возрождение Севера», регулярно публикуя там свои критические статьи, рецензии и культурфилософские эссе. После того как 20 февраля 1920 г. Красная армия вошла в Архангельск, Долинин возвращается в советский Петроград, навсегда оставляет литературную критику и, как уже отмечалось, с 1921 г. преимущественно посвящает себя изучению Достоевского.

Говоря о Долидине-критике, важно отметить, что в Серебряном веке строгого методологического разграничения между работами о Пушкине и Чехове, Достоевском и Л. Толстом, А.М. Ремизове, Ф. Сологубе и Б.К. Зайцеве не существовало, во-первых, по причине

недостаточной оформленности самой науки о литературе, во-вторых, из-за фактической современности критикам ряда авторов, уже считавшихся классиками (Л. Толстого, Чехова и др.)⁴. Так что работы Долинина 1910-х гг. сложно разделить на собственно критические и литературоведческие; и в тех, и в других зачастую высказывалось эстетическое кредо, прослеживалась динамика собственных взглядов автора, а современная русская литература трактовалась в контексте предшествующей.

Впитав идеи В.В. Розанова и Вячеслава Иванова о внимании к духовно-психологической индивидуальности исследуемых писателей [12, с. 295–299; 19, с. 13], Долинин следует таким ведущим тенденциям в критической литературе эпохи, как эссеистичность, субъективизм, лиризация и беллетризация, мифологизация писателей, импрессионизм и суггестия, апелляция к читателю и установка на устное слово, афористичность в названиях статей и рецензий⁵. Вот типичные долининские заглавия 1910-х гг.: «Обреченный», «Отрешенный», «Путник-созерцатель», «Повесть печали и надежды», «Одинокий», «Неоцененный», «Чужие» и т.п. Особое предпочтение он отдавал таким жанрам критики, как рецензии, обзоры, литературные портреты и параллели.

В представленной в Приложении библиографии критических работ Долинина с 1906 по 1920 г., помимо прочего, к ранее известным добавлен ряд публикаций из газеты «Возрождение Севера» под псевдонимами А. Алешин, А. Алексеев, А. Юрьев, А.Д., А.С., которыми, по свидетельству А.А. Долинина, пользовался Аркадий Семенович [6]. Что касается псевдонима (?) Б. Казанцев, то внук критика-литературоведа его «не помнит и никакого семейно-биографического объяснения ему не видит», потому что «Алешин, Верин и Юрин <Юрьев> — это все псевдонимы, образованные от имен членов семьи: Алеша и Юра — сыновья, Вера (Вера Ивановна Щепкина, замечательный детский врач) жена»⁶. Тем не менее по тематике, эстетическому подходу и критической манере статьи «Непреодолимый ужас» и «Чужие» (№№ 40, 44) с большой долей вероятности могут быть атрибутированы А.С. Долинину. Во всяком случае, как редактор-составитель рубрики, он не мог их не акцептировать. Первая из указанных статей за подписью Б. Казанцева подытоживает творческий путь только что умершего Л.Н. Андреева. Вторая посвя-

⁴ Подробнее см.: [16, с. 620–704].

⁵ Подробнее об основных тенденциях и жанрах в литературной критике Серебряного века см.: [16, с. 620–704; 14].

⁶ Из электронного письма А.А. Долинина к О.А. Богдановой от 27 июля 2017 г.

щена одному из дошедших до Архангельска, отрезанного фронтами от столиц, номеров (за апрель-май 1919 г.) московского альманаха «Творчество» с новыми стихами В. Брюсова, Н. Власова-Окского, С. Родова, И. Ерошкина, П. Орешина и др.

Представим краткий обзор критических работ Долинина в хронологическом порядке. Первой считается немецкоязычная статья «О символистах» (№ 1), опубликованная в венском журнале «Das-Wort» в 1906 г. Сведения о ней присутствуют в прижизненной библиографии ученого, составленной С.В. Беловым под наблюдением самого автора [3], однако следов указанного издания не найдено ни в архивах, ни в библиотеках России, Австрии и Германии. Возможно, в запись вкралась ошибка.

Регулярно печатать критические статьи Долинин стал по окончании Петербургского университета, в 1912 г., на который приходится целых 6 публикаций такого рода. По жанру это 4 рецензии и 2 аналитические статьи. Рецензии частью посвящены историко-литературным сочинениям, частью художественным; статьи — писателям-современникам.

Первые рецензии — на страницах кадетской газеты «Речь» — были написаны, очевидно, с подачи сотрудничавшего там Венгерова; его литературными связями был обусловлен и дальнейший выбор изданий для публикации долининских работ — «Русская мысль», «Заветы», «Русская литература XX века. 1890–1910». Молодой автор обратился к новым сочинениям ведущих критиков начала XX в. В книге Л.Я. Гуревич «Литература и эстетика» (СПб., 1912) он ожидал встретить историю символизма за последние 20 лет, рассказанную «из самого центра <...> глубоких и серьезных исканий в области литературного творчества», изнутри процесса создания нового «эстетического канона», в котором, считал рецензент, так нуждалась современная русская культура. Долинин не согласен с призывом «назад к классикам»⁷ по той причине, что «все наши классики — реалисты, а потому требование возвращения к ним грозит нам опасностью прорвать ту плотину, которой литература в последнее время укреплялась от вторжения в нее реализма и натурализма» (№ 5). Наиболее ценна в книге Гуревич, по мнению рецензента, статья «Художественные заветы Толстого», демонстрирующая преемственность символистской эстетики от положений толстовского трактата «Об искусстве» (1889).

⁷ Имеется в виду статья В.И. Иванова «Заветы символизма» (1910).

Если даже компактная рецензия на сборник Гуревич содержала в себе серьезный анализ литературной ситуации 1910-х гг., то развернутый отклик на «Историю русской литературы XIX века» под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского (М., 1912) превратился в настоящий критико-аналитический трактат. Здесь Долинин поднимает общие научно-методологические вопросы о магистральных путях русской критики и истории литературы: или она остается «историей общественных течений, историей политических движений, историей философии, — словом, историей чего угодно, но только не литературы», или занимается тем «*внутренним*⁸ процессом, который совершается в недрах *самой литературы*» и «*постулируется* только *со стороны форм*; тогда история литературы есть или должна быть историей *художественных форм* и только <...>». Статьи самого Овсянико-Куликовского, а также И.И. Замотина, И.Н. Игнатова, В.П. Кранихфельда, Е.А. Ляцкого, А.Е. Грузинского и др., по мнению Долинина, «непростительно-тенденциозны» — ведь творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. в них «низведено почти до обидной роли копирования жизни, <...> отражения социально-политических условий эпохи». Поэтому необходимо «раз навсегда признать, что у нас еще и в помине нет истории литературы как науки <...>» (№ 3, с. 33–37).

Газетные рецензии о писателях — Ремизове и Зайцеве — построены как литературные портреты с элементами историко-литературного очерка. В Ремизове, по мысли Долинина, главное — это ученичество у Достоевского с его «философией подполья и философией трагедии». Основываясь на анализе таких произведений, как «Казенная дача», «Пруд», «Крестовые сестры», «Бедовая доля», критик делает вывод о «космическом характере» ремизовского трагизма, отходе от индивидуализирующего психологизма в изображении человека и о пронизывающей его произведения «сновидческой» иррациональности. Именно в этом, по Долинину, своеобразие Ремизова-художника, рисующего «мрачную и страшную картину мирового горя <...>, в которой трагедия каждой отдельной личности теряет всю свою выпуклость, сливаясь в одном общем беспросветном фоне» (№ 4).

Рецензия на рассказы Зайцева начинается с пространной характеристики современной литературной ситуации как «усиленных исканий новых путей в области литературного творчества» и переоценки ценностей. Отметив ученичество у Чехова, Долинин дает общий портрет Зайцева: «все его творчество <...> знает, как основной мотив

⁸ Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат А.С. Долинину.

свой, заунывную настроенность тихой, благоговейной молитвы, <...> мир воспринимает он всегда <...> *религиозно*, благоговейно <...> как христианин, а не как язычник». В свете последующего творчества будущего автора «Путешествия Глеба», нельзя не удивиться проницательности рецензента. Оригинальность созданного писателем художественного мира он находит в «*непрерывности*» чувства слитности с космосом, «не в редкие, <...> исключительные минуты, а *всегда и в каждое мгновение*». Поэтому «в его творениях не отражается трагедия индивидуации, пришедшая к нам из Западной Европы вместе с культом личности <...>» (№ 6). Из «*одноразовности*» души писателя проистекает, по Долинину, его неспособность к широкому социально-историческому письму и крупной прозаической форме.

В 1913 г. Долинин публикует статью-трактат об акмеизме и литературный портрет Федора Сологуба, а также обзор новых трудов о Достоевском, большая часть которого посвящена «Творчеству Достоевского» В.Ф. Переверзева и в связи с ним — полемике с марксистскими установками в критике и отстаиванию собственных подходов. Долинин указывает на «методологические ошибки» «лучшего» из критиков «марксистского направления» — это «примитивность <...> точки зрения экономического материализма», «беспомощность» «классовой <...> точки зрения» на «вопросы художественного творчества». Именно здесь критик впервые формулирует собственный методологический принцип «вершинности», впоследствии применявшийся им в литературоведческих трудах: «<...> в литературе <...> указующий истинное направление компас не в начале пути (писателя. — О. Б.), а в конце или, вернее, на вершине его. Ключ к истинному пониманию не в зародыше, а в *завершенном* и наиболее уже полно *выраженном* процессе выявления человеческой души». Поэтому «не с “Бедных людей” следовало бы начать анализ творчества Достоевского, а с “Братьев Карамазовых”» (№ 8). Этот принцип распространяется и на писателей начала XX в.

Характерно стремление критика осмыслить «самоновейшие течения в современной нашей поэзии: футуризм и акмеизм» (№ 9). В первую очередь автор устанавливает генеалогию акмеизма — это символизм, а конкретнее — призывы Вячеслава Иванова и А.А. Блока в ситуации «кризиса символизма» как литературно-художественного направления обратиться «к формальному канону <...> генетического изучения традиционных форм»⁹. Затем идет характеристика

⁹ Здесь и далее в своей статье об акмеизме А.С. Долинин цитирует статьи В.И. Иванова «Заветы символизма» (1910) и А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910).

того «нового слова», которое акмеисты «призваны сказать». С одной стороны, в их эстетической программе важно, в противовес символизму, «признание — хотя бы в теории — “самоценности за каждым явлением”», с другой — вызывает тревогу тот факт, что «с акмеизмом, если суждено ему окрепнуть, снова *выдвинется* в литературе то содержание, которое обычно разумеют под реализмом». Хотя в идеалах акмеистов «много смешного, примитивного», тем не менее критик склонен приветствовать их начинания поверх всяких теорий и программ: «Было бы только художественно написано, было бы только талантливо — и все остальное приложится». Эйхенбаум в шутку назвал эту статью своего друга «свирепой» [17, с. 179].

В «Отрешенном...» (№ 10) Долинин вначале следует уже привычной схеме: общий портрет «героя», который «вне всяких школ и традиций, <...> в высокой степени исключительный художник, одинокий, сосредоточенный, всю свою жизнь идущий своим особым путем. <...> Все его творения <...> выявления его индивидуального “я”, сказания про его собственную душу, всегда обитающую где-то вне текущей действительности <...>, никогда не живущую настоящим». Далее — характеристика художественного стиля Сологуба, «монотонного», «преднамеренно холодного», с «необычайно строгой отделкой», «причина которого <...> коренится в <...> отличительных чертах его душевного уклада: в особом типе его воли, *внутри сосредоточенной* (внешне *бездейственной*), и — в связи с ней — в его *сознательности*, в его рационализме, в его неодолимом и неустанном стремлении прояснять <...> то стихийное, хаотическое, что поднимается к нему из его подсознательной сферы». Затем — конкретизация сказанного в процессе рассмотрения лирики, прозы и драматургии Сологуба, сопровождаемая обильным цитированием.

Долинин убедительно проводит параллели между художественными мирами Сологуба и Достоевского. В отличие от большинства критиков-современников, он утверждает, что «анalogии, соответствующие мирозерцанию Сологуба, надо искать в философии не Раскольникова и Ивана Карамазова, а Кириллова (“Бесы”) и Ипполита (“Идиот”), с их противопоставлением себя всему миру», космосу. Эти герои отвергают мир не из-за «слезы замученного ребенка», а из-за беспощадных к человеку законов природы, ее «неумолимой механистичности», будто бы поглотившей самого Христа. Ипполит злится на жизнь в напрасном ожидании чуда — победы над природой, Кириллов надеется преодолеть смерть с помощью человеческого своеволия, Сологуб делает следующий шаг — самоутверждение «Я» и «Моей» творческой воли как единственного сущего. «Вся

суть мирозерцания Сологуба, — заключает Долинин, — в ипполитовских вопросах и кирилловских ответах». Симптоматично, что, как и другие критики Серебряного века (З.Н. Гиппиус, Р.В. Иванов-Разумник, В.Ф. Боцяновский, А.Г. Горнфельд, Е.В. Аничков, П.С. Владимиров и др.)¹⁰, Долинин ставит Сологуба в один ряд с персонажами Достоевского как самостоятельными мировоззренческими субъектами, что в данном случае совпадало с самоощущением этого писателя.

В заключение Долинин сообщает читателю о методологических принципах своей статьи — стремлении к объективности и безоценочности, а главное — к «пониманию» «этого большого и оригинального художника». Эйхенбаум откликнулся: «...а хорошую статью о Сологубе написали», однако прибавил: «...о том, что думает о себе Тетерников, когда он — не Сологуб» [17, с. 180].

В 1914 г. написаны большие статьи о Чехове в жанре литературного портрета и о Мережковском в жанре критико-биографического очерка. В начале XX в. загадка Чехова не раз привлекала внимание Долинина — так появились его статьи к 10-летию и 15-летию со дня смерти писателя. В первой из них («Путник-созерцатель»; № 11) критик верен своему методу: выяснение основ «сложной и глубокой души» Чехова предшествует анализу особенностей его произведений. Так, «раз навсегда взятая позиция не столько участника, сколько *созерцателя жизни*» обусловила, по Долинину, тот факт, что «Чехов является столь ярко выраженным, столь типичным *юмористом* в русской литературе». Внутреннее одиночество и отстраненность от общей жизни стали причиной его «объективности» как писателя. Большая романная форма не далась Чехову единственно потому, что он воспринимал жизнь как «цепь, разорванную на множество звеньев», как «мир, распавшийся на отдельные атомы»; ему «недоставало “чувства бесконечного”», и в этом была причина его личной трагедии, его страха, непонимания жизни в ее целом, его непоправимого одиночества».

Наиболее интересны в статье «Путник-созерцатель» рассуждения критика о материале и форме в связи с творчеством Чехова. Он обнаруживает знакомство не только с идеями Вячеслава Иванова из статьи 1911 г. «Достоевский и роман-трагедия» («анализ всякого художественного творчества должен начинаться именно с формы, в ней прежде всего искать отражение писательской личности»), но и с теорией датского эстетика-неокантианца Бродера Христиансена,

¹⁰ См. сборник: О Федоре Сологубе: критика, статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Шиповник, 1911. 356 с.

автора популярной в университетских кругах книги «Философия искусства» («Всякий художник <...> творит <...> по своему образу и подобию. Материал, содержание его творчества могут быть <...> извне и даже целиком взяты из окружающей жизни — на то он и материал, чтобы быть пассивным»).

Вхождение Долинина в авторский коллектив венгерской «Русской литературы XX века» можно расценить как признание его заметной роли в критике 1910-х гг. Статья о Мережковском (№ 13) — настоящее исследование, совмещающее элементы строгой научности с непринужденным импрессионизмом и эссеизмом. Вначале Долинин приводит признание известного писателя, только что выпустившего свое первое ПСС в 17 томах, в том, что все его произведения отвечали на два вопроса: «что такое христианство для современного человека» и «как найти “выход из подполья”, чем “преодолеть одиночество”». Затем критик приступает к «проверке» этих тезисов. Что касается второго, то он полностью согласен с рассматриваемым автором; по поводу первого произносит многозначительное «увидим». Сразу же отмечена творческая многогранность Мережковского: «лирик, романист, критик, религиозный философ, публицист».

Прежде чем перейти к характеристике каждой из перечисленных сфер, Долинин, во-первых, пока что безответно задается главным для себя вопросом: «художник ли Мережковский?», — во-вторых, априорно оценивает его заслуги в наиболее близкой для себя области — критике, называя Мережковского родоначальником всех ее главных современных направлений: эстетического, психологического и философского, а в-третьих, открывает читателю свою собственную критико-методологическую интенцию в данной статье: «дать вполне беспристрастный очерк деятельности Мережковского в связи с его личностью; именно постичь его как особую индивидуальность с определенным психическим укладом, в зависимости от которого только и могут быть объяснены как положительные, так и отрицательные стороны его писаний».

И далее, в соответствии с намеченным планом, последовательно характеризует Мережковского как поэта, прозаика, критика, общественного деятеля. Его определяющей чертой является, по Долинину, «болезнь культуры», или «болезнь души, в которой слишком развита сила рефлексии, в корне убивающая цельность <...> переживаний»; отсюда следуют такие особенности его беллетристики и критики, как раздвоенность, рассудочность, схематичность и «крайний субъективизм», подверстывающий весь жизненный «материал» под

собственную концепцию. Статья Долинина претендует на обобщающий характер, вбирая в себя суждения о писателе, высказанные Б.А. Грифцовым, Андреем Белым и др. Ссылаясь на общее мнение, критик говорит о творческой инволюции Мережковского: «...последние его художественные произведения гораздо хуже первых».

На поставленный в начале вопрос однозначного ответа в статье нет: с одной стороны, Мережковский по эстетическим критериям Долинина совсем не художник, с другой — «Мережковский умеет быть убедительным», и ему несомненно доступно «чистое созерцание <...> всегда далекой красоты: в мраморе, в граните, в остатках античного мира», что приводит к созданию «истинно художественных картин» и сцен, оставляющих «неизгладимое впечатление истинного лиризма», в романной трилогии «Христос и Антихрист». Это «ясное аполлоновское начало, созерцание красоты».

Хотя критик претендует на «объективность» в оценке автора, в каждом его слове чувствуется неприязненная пристрастность, выдаваемая иронией, сарказмом, гневным, резким обличением. Долинин судит Мережковского с позиций столь нелюбезной ему реалистической эстетики, выдвигая в качестве критерия художественности психологическую нюансировку персонажей, социально-историческую достоверность и «естественность»: «У Мережковского, в большинстве случаев, нарушены все эти элементарные требования». По сути, Долинин обрушивается в произведениях Мережковского на черты новой, модернистской поэтики: элиминацию социально-психологической индивидуальности героя¹¹, мифологизацию и сопутствующую ей архетипическую схематизацию, символизацию и открытую авторскую субъективность. Недаром Эйхенбаум нашел статью «скучной» и осудил ее «общий метод» за «исключительный “психологизм”», приближающийся к Овсяннико-Куликовскому: «... ждешь духовного, Духа, ждешь разрешения психологических антитез, и потому убийственно действует заключение, в котором ты повторяешь начало и отнимаешь всякую надежду на исход из “психологизма”» [17, с. 187–188]. Статья о Мережковском в биографии Долинина-критика оказалась наиболее «венгеровско-позитивистской»; в последующих работах уже не было присущих ей крайностей.

После публикации в «Русской литературе XX века» Долинин отходит от литературно-критической работы почти на пять лет —

¹¹ «Полную дегероизацию, тенденцию к изображению обезличенного героя — жертвы отчуждения, отчасти за счет полуиронического его сближения с многочисленными мифологическими архетипами, превратившимися в легко сменяемые маски», отметил в модернистской литературе XX в. Е.М. Мелетинский [15, с. 107–108].

в связи с военной службой, революционной неразберихой и т. п. Новый взрыв критической активности — в 1918–1920 гг. Впервые к долининской критике и эссеистике пореволюционных лет в эсеровских газетах «Воля народа», «Дело народа» (Пг.) и «Возрождении Севера» (Архангельск) обратился В.А. Туниманов, дав характеристику ряду их тем и трактовок. Так, ученый отметил полемическую приверженность Долинина к современной ему нереалистической литературе. В самом деле, по мысли последнего, «непоколебимый авторитет» реалиста Белинского перестал действовать уже для Чехова — «слишком иной он», а затем — для «еще больш[и]х чудак[ов] из <...> стран туманной мистики, голубой эфирности»: Мережковского, Сологуба, Розанова, Бальмонта, Белого, Брюсова... (№ 32). Выступая против «общественников» в литературе, Долинин, по наблюдению Туниманова, не остановился даже перед выпадом против своего учителя Венгерова, чей известный диалог с Достоевским об «утилитарном» значении Свидригайлова бывший университетский семинарист назвал «прекомическим» и бессмысленным в «постреалистическую» эпоху, определяемую Розановым и символистами (№ 41). Однако это не помешало ему горячо вступить за добрую память об учителе, отражая нападки вульгарно-социологических критиков, стремившихся угодить новой советской власти с ее марксистскими предпочтениями, на книгу Венгерова «Героический характер русской литературы». Долинин решительно разводит мнения о книге (которую можно считать «глубоко неверной, тенденциозной, узкопартийной, народнической и спорить с ней по существу») и о самом ее авторе («человеке с большими научными и литературными заслугами»). По мнению Долинина, писать о Венгерове «с усмешкой» — «недобропорядочно», суждения профессора основаны на глубоком знании русской литературы (№ 49).

Весной 1918 г., еще до отъезда в Архангельск, Долинин опубликовал несколько материалов под рубрикой «Литература и искусство» в газете «Дело народа», где также активно сотрудничали А.М. Ремизов, Е.И. Замятин, В.Я. Шишков, Б.М. Эйхенбаум, А.А. Гизетти и др. В статье, посвященной первому сборнику «Мысль», критик остановился на двух произведениях — повести Ремизова «Страница» и рассказе Замятина «Знамение». Первая показалась Долинину «необычайной» для пера Ремизова: «тон понижен», «образы <...> упрощены», «краски <...> бедные, точно от старости выцветшие», «нечто от агиографии, в соединении с библейскою простотою легендарно-религиозных сказок Толстого», «отказ <...> от интеллигентной сложности» как бы в расчете «на совершенно иного читателя».

Напротив, в рассказе Замятина «все опалено огнем революции, насыщено ее силой, стихийностью»: «суровые тона, мрачные густые тени», «образы острые и <...> яркие». Чудо совершается в результате полного слияния единичного с порывом массы, уничтожения личности в волнах «всеобщего экстаза». Затем возвращается «обыденное». Так Замятин передал переживание «приливов и отливов» первого года революции (№ 14).

В следующей статье Долинина в «Деле народа», посвященной московскому сборнику «Эпоха», наибольший интерес представляет анализ нового романа Сологуба «Заклинательница змей», на котором, по мнению критика, лежит «печать усталости». Если раньше творчество Сологуба «было строгим и выдержанным самоутверждением духа <...> над материей, над миром внешним», то здесь «жизнь, материя, материал» господствуют «над миром внутренним»; изображение «борьбы между трудом и капиталом», «демократический дух» романа делают его «тягучим», «куски» прежних образов скреплены в нем «отвлеченной идеей общественного характера». Также в статье уделено внимание повести М. Кузмина «Шелковый дождь» (в которой взгляд автора «светится <...> мягкой иронией» и «грезит видениями иного, более здорового, жизнерадостного мира, откуда и мерило его ценностей») и сказке Ал. Толстого «Синица» (которая «с первых же слов обдает ярким светом радости»; на фоне ее «здоровья» проигрывают многие другие произведения сборника), упомянута эссеистика В. Брюсова и А. Белого (№ 15).

Симптоматичен отзыв Долинина на «большое литературное событие», «в наши дни <...> даже самое крупное» — выход дополнительных томов собрания сочинений Достоевского с недавно атрибутированной ему литературной полемикой и статьями об искусстве 1840–1860-х гг., а также — подготовительными материалами и вариантами художественных произведений. Хотя, по мнению критика, нападки Достоевского на русскую революцию «запальчивы, тяжеловесны», оваяны «мрачным, злым и жестоким сарказмом», «гениальность его прозрений» в образах Петра Верховенского и Великого инквизитора «предугадывает то, что в наши дни стало фактом, приняло такие уродливые формы» (№ 16).

Именно Долинину, «одному из немногих, удалось <...> глубоко и точно определить суть творчества В. Розанова в статье-некрологе “Навозная жижица и золотые рыбки”. <...> Розанов “многосоставен”, он <...> сочетает в себе высокие идеалы, почти гениальные прозрения и низменные, отталкивающие, “подлые” движения <...>. Розанов, считает критик, первооткрыватель, исключительно своеобразный

мыслитель <...>» [20, с. 8]. Более того, именно Розанов, по Долинину, наиболее яркий выразитель символизма как мирозозерцания, а также — подлинный предтеча русской революции, «если верить, что она подготавливалась и в области духа» [7, с. 454].

В 1918 г. Долинин «с энтузиазмом откликнулся на “Плач <о гибели Русской земли>” Ремизова» [20, с. 11]¹²: «Художественно могуч» — и защитил писателя от обвинений в черносотенстве (№ 17). Этот случай через десятилетия и границы отозвался в письме Ремизова к В.И. Малышеву от сентября 1957 г.: «Очень тронули меня сообщения о памяти Аркадия Семеновича Долинина. Клянюсь ему низко. Что будет о Достоевском — пусть не забудет меня» [10, с. 213]. В унисон «огненному слову наших мистиков-идеалистов» Блока, Белого, Иванова-Разумника, Долинин размышляет о разворачивающейся русской революции: «Куда держим путь? Каков ее смысл? Не реальный, видимый, простым смертным доступный, а смысл взвинченный, религиозный, мистический ее смысл?». Приветствуя народный «христианский интернационализм» в духе Достоевского, в то же время Долинин встревожен выдвижением на историческую арену отвратительного ему русского «охлоса»: «Что же: Голгофа или смрадное место <...>? Двенадцать или тринадцать красногвардейцев идут впереди? С Христом или с... диаволом?» (№ 17).

В архангельские годы Долинин, по справедливому наблюдению Туниманова, «во власти <...> историко-философских представлений и мифологем, восходящих к идеям и образам Чаадаева, Герцена, славянофилов, Достоевского» [20, с. 10], он приветствует революционное «мифотворчество» русского «народа-богоносца» (№ 22) и его проявления в стихах и прозе Блока, Белого, Н. Клюева, С. Есенина и других «скифов»: «... истинный пафос, беззаветное горение, стремление в даль, без оглядки, в чарующую, захватывающую неизвестность, <...> имеется у “Скифов”, у группы Иванова-Разумника» (№ 18). Как полярное «скифам» явление Долинин выделяет «сдержанно-спокойное, глубоко консервативное в лучшем смысле этого слова, <...> отстаивающее тенденции чистого искусства — Это. Московский сборник “Эпоха” во главе с Валерием Брюсовым и Федором Сологубом — самое яркое его выражение» (№ 45). «А третье течение занимало как бы среднее место между теми крайними. Сдержанное, менее порывное, оно тоже всматривалось в происходящее кругом и выражало тревогу за будущее, не щадя прошлого ближайших дней, своих и чужих ошибок в нем. Это сборник “Мысль” во главе с Вик-

¹² У Ремизова — «Слово о гибели Русской земли».

тором Черновым и Евгением Замятиным. И группа “Воля народа” с Алексеем Ремизовым <...>. И отчасти сюда можно причислить и Горького, хотя он стоял совершенно вне этих групп; и он знал тогда это состояние тяжелого раздумья, чувство огромной ответственности, а веры, выжигающей все сомнения, в безумии начертающей пути, не было у него» (№ 45).

Не оставляет Долинин и своих излюбленных литературно-критических сюжетов о психологии творческой личности, о ее взаимоотношениях с современниками, об обусловленности художественной формы внутренним миром писателя. Так, в статье «Обреченные» критик поднимает вопрос о противостоянии нарождающегося «массового человека» с его специфической «культурной душой» и глубинно-стихийных цельных гениев — Шекспира, Достоевского, Ремизова, Сологуба... (№ 19).

В «Аналогиях» Долинин сопоставляет поэму Блока «Двенадцать» и «Слово о гибели Русской земли» (называя его «Плачем...») Ремизова. Если от первой веет «непроходимой смертной тоской» кощунства, то автор второй как будто бросает камни, которые «глухо стучают о крышку гроба» России. Л. Толстой, по Долинину, «не решил <...>, свят народ или преступен», и потому не может слиться с революцией. И только один «консерватор» Достоевский «не усомнился бы в святости народа и во всяком случае от него он бы не отвернулся. Блуждал бы вместе с ним <...>» (№ 26).

В эти же месяцы Долинин пишет и публикует эссе «В погибавшем Риме. (Два монолога)», где проводит более масштабные аналогии: революционной современности — с античностью, Древним Римом, что, впрочем, было в духе эпохи¹³. Эссе представляет собой фантазию на темы «Анналов» Тацита. Автор якобы обращается к двум эпизодам из V книги сочинения древнего историка, с описанием бунта рабов против римских порядков после смерти императора Домициана (правил в 81–96 гг. н.э.), однако здесь очевиден анахронизм — действие в V книге «Анналов» происходит в 29 г. н.э., а в V книге его же «Истории» — в 70 г. н.э. Такие персонажи долининского эссе, как народный трибун Третий Гайус и художник Амфилох, в сочинениях Тацита отсутствуют. Но важнее их генезиса для нас в данном случае — созданный автором с помощью вневременных образов антиномичный портрет русской интеллигенции революционной эпохи: «Какое странное совпадение <...>!» В первом эпизоде просматриваются обобщенные, с опорой и на

¹³ См., например, сборники «Скифы» (1917–1918), статью А.А. Блока «Катилина» (1919) и др.

собственный опыт, этапы отношения русских литераторов к народной революции: «Вначале Трибун Гайус принял в бунте большое участие. Но когда масса пошла дальше, чем он думал, и когда <...> стали жечь прекрасные античные храмы и разбивать тонкие белые статуи на перекрестках и форуме, тогда “молодой политик” не выдержал: в нем заговорила жалость к погибающей античности и — отступился». Народный трибун, защитник демократии заговорил о «бессмысленной толпе», «черни» и «охлосе», от которых надо защитить «великую античную культуру» — иначе «будущим поколениям придется заново поднимать великий труд минувших веков, дабы вернуться к тому состоянию, что сейчас так мучительно умирает на наших глазах...» Во втором эпизоде художник Амфилох «тоже думает о бунте. В нем почувствовал он дуновение рока, влекущего старое к гибели и рождающего новое». Приветствуя революцию, Амфилох понимает собственную обреченность, однако верит, что будущая культура превзойдет гибнущую современную — поэтому не надо воскрешать «прошлое, старое», пусть «огнем очистительным снимется трупье с лика обновленной земли». У автора эссе позиция Амфилоха «не вызвала <...> особенной бодрости», он смущен тем, как «странно сдвинулись века», как «смешалось наше современное с далеким прошлым» (№ 46).

Творчеству Л. Толстого в контексте революционной современности посвящена статья «Логика и Толстой», где жизнь автора «Войны и мира» трактуется как «одна из самых интересных страниц из книги “Прения Разума с Душою” — сложное запутанное сказание об “уничижении паче гордости”, об осторожности и подозрительности и о страшном неслыханном коварстве» (№ 27). Критик имеет в виду «поражение» толстовской рациональности под напором жизненной стихии.

На 50-летний юбилей А.М. Горького¹⁴ газета откликнулась несколькими материалами. Сам Долинин пропел автору «Песни о Буревестнике» настоящий панегирик: «Русское общество ожило вместе с приходом Горького в литературу»; в нем «сила поднявшегося народа, юной стихии, неустанно творящей <...>». При этом критик несколько неожиданно для 1910-х гг., отмеченных резкими выпадами Горького против Достоевского, возвел генеалогию пролетарского писателя непосредственно к творцу «Бесов»: «Духовный сын бунтаря из бунтарей, Достоевского, русский юный дикарь, но с сердцем здоровым и духом смелый». Все творчество Горького До-

¹⁴ Отмечавшийся на год позже биографического.

линин назвал «сплошным “возвышенным обманом”, в который мы все верили, считая его даже реалистом»; на деле же «он романтик по строю своей души» (№ 28). Получается, что высокая оценка писателя обусловлена нереалистическим качеством его произведений. Последнее, как мы могли заметить, органично для Долинина-критика.

В 15-ю годовщину смерти Чехова Долинин публикует статью, вновь вопрошающую об истинном духовно-душевно облике «этой необычайно сложной, чрезвычайно загадочной <...> фигуры», черты которого ему не удалось обнаружить в известных воспоминаниях И.А. Бунина, А.М. Горького, В.Г. Короленко и А.И. Куприна (№ 34).

В одной из своих последних опубликованных в архангельской газете статей — обзоре русской литературы за 1919 г. — критик сетует на то, что в период Гражданской войны литература стала «разъединенной, раскиданной по разным углам» страны и узнать о судьбе выделенных в прошлогоднем обзоре (№ 18) трех течений теперь невозможно. Поэтому «волей-неволей» Долинину пришлось ограничиться обзором лишь местной, архангельской литературы. Особый интерес представляет оценка начинающего Л.М. Леонова. Отец будущего автора «Вора» и «Русского леса» был сослан в 1908 г. в Архангельск, где завел типографию и выпускал газету «Северное утро», в которой с 1915 г. стали появляться первые опыты Леонида: стихи, театральные рецензии, очерки. Печатался молодой Леонов и в «Возрождении Севера». По мнению Долинина, он подает «[б]ольшие надежды в прозе»: «Какая многообещающая безвкусица — его очень своеобразное, целиком ему принадлежащее “В столетиях”! И как прекрасно написан, с какой утонченной нежностью и милой наивной искренностью его <...> полуфантастический рассказ “Бор”» (№ 45).

В отличие от Леонова, также начинавшему в «Возрождении Севера» Б.В. Шергину «провинция не грозит никакой опасностью», так как он «вне быта; замыслы его в богатейших источниках прошлого, которое всегда будет захватывающе интересно». Выводы критика основываются на анализе сказочной повести Шергина «Любовь сильнее смерти», напечатанной в сборнике «На Севере дальнем» в 1919 г. «Несомненная большая талантливость» молодого прозаика сопоставляется с Ремизовым и А.Н. Толстым.

Еще одно открытие Долинина-критика в архангельские годы — поэт А.В. Туфанов. «Литературно образованный, усидчивый теоретик ритмики, он всегда творил <...> однообразно. И все же нередко поднимался до истинной поэзии, оставляя нам стихотворения сильные, образные и звучные» (№ 45). Дебют этого петроградского

поэта в 1917 г. прошел незаметно, и лишь переселившись в 1918 г. в Архангельск, он обрел свое творческое лицо как «Председатель Земного шара Зауми». В бытность в Архангельске Туфанов также организовал литературно-художественный кружок при газете «Возрождение Севера»¹⁵.

Как видим, Долинин был не только тонким истолкователем творчества уже признанных писателей-современников, но и проницательным вдохновителем молодых, еще неизвестных талантов.

Итак, главные черты Долинина-критика: метод биографико-психологического вчувствования; отрицание крайностей социологического («пыпинизм») и формально-эстетического («шкловскизм») [7, с. 352] подходов; принцип «вершинности»; приоритет художественной формы; интерес к религиозно-философским вопросам и преимущественное внимание к писателям-символистам и неореалистам.

Литература

1. *Абрамкин В.М., Лурье А.Н.* Писатели Ленинграда (библиографический указатель). Л.: Лениздат, 1964. 364 с.
2. *Альтман И.* Грубая фальсификация // *Знамя*. 1948. № 3. С. 179–183.
3. *Белов С.В.* Библиография работ А.С. Долинина // *Очерки по истории русской литературы / Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена*. Т. 309. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд., 1966. С. 372–375.
4. *Белов С.В.* Полвека с Достоевским. Воспоминания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 212 с.
5. *Богданова О.А.* А.С. Долинин // *Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь*. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. I: А–Л. С. 299–300.
6. *Долинин А.А.* Долинин Аркадий Семенович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М.: Большая Российская энциклопедия; Фанит, 1992. Т. 2. С. 153–154.
7. *Долинин А.С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Художественная литература, 1989. 478 с.
8. *Долинин А.С.* Из публицистики 1919 г. / публ. Е.Н. Дрыжаковой // *Русская литература*. 1991. № 4. С. 159–166.
9. *Дрыжакова Е.Н.* На переломе 1950-х: наши замечательные учителя А.С. Долинин и Ю.Г. Оксман // *Дрыжакова Е.Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 443–478.
10. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л.: Наука, 1979. 270 с.
11. *Зильберштейн И.С.* Новонайденные и забытые письма Достоевского // *Литературное наследство*. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 114–152.

---

¹⁵ Подробнее о взаимоотношениях А.С. Долинина и А.В. Туфанова в архангельский период см.: [13].

12. *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–306.
13. *Крусанов А. А.В.* Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 92–119.
14. *Крылов В.Н.* Структурные особенности литературно-критических статей Серебряного века // Крылов В.Н. Теория и история русской литературной критики: Учебное пособие. Казань, 2011. С.79–94.
15. *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001. С. 73–149.
16. *Михайлова М.В.* Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра: Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 620–704.
17. Письма Б.М. Эйхенбаума к А.С. Долинину / подгот. текста, предисл. и примеч. А.А. Долининой // Звезда. 1996. № 5. С. 176–189.
18. Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг.: Госиздат. 1922. XL, 363 с.
19. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. 702 с.
20. *Туниманов В.А.* Дон Искоз // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л.: Художественная литература, 1989. С. 3–30.
21. *Фридлендер Г.М.* Памяти ученого // Русская литература. 1968. № 4. С. 232–234.
22. *Эйхенбаум Б.М.* Новое в области «пушкинизма» // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 305–310.

Research Article

Literary Criticism and Essays by A. S. Dolinin. A Bibliography, 1906–1920

© 2021, Olga A. Bogdanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The bibliography of literary criticism and essays (articles, reviews, literary portraits and parallels, critical and biographical essays, etc.) by Arkady Semyonovich Dolinin (1880–1968), first published here, gives an idea of the field of interest of a great Soviet literary critics before the beginning of his scholarly activity, in the first decades of the XX century. The paper traces the path of Dolinin - literary critic, his appeal to the classical (F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, A.I. Herzen, etc.) and modern (A.P. Chekhov, B.K. Zaitsev, F. Sologub, D.S. Merezhkovsky, etc.) literature, his artistic and aesthetic preferences (from realism to modernism), and his religious and philosophical quest against the background of social and political struggle during the First World War, the Revolution and the Civil War. The paper gives an analysis of Dolinin's method: biographical and

psychological approach, Critical attitude to the sociological (“pypinism”) and formal-aesthetic (“shklovskism”) methods, comments on the ideological and creative relations with S.A. Vengerov, his teacher at Petrograd University. Special attention is paid to Dolinin's intensive critical work in 1918–1920 in the Arkhangelsk newspaper *Renaissance of the North*, where he chronicled Russian literary life at a historical turning point, reflecting on the works of V.V. Rozanov, L.N. Andreev, A.M. Gorky, A.M. Remizov, A.A. Blok, etc. An important achievement of Dolinin was the discovery of young, still unknown talents: L.M. Leonov, B.V. Shergin, A.V. Tufanov.

Keywords: A.S. Dolinin; Dostoevsky studies; literary criticism; essays; bibliography; Silver Age; Semen Vengerov; modernism; newspaper *Renaissance of the North*.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: olgabogda@yandex.ru.

For citation: Bogdanova, O.A. “Literary Criticism and Essays by A.S. Dolinin. A Bibliography, 1906–1920.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 407–431. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-407-431>

References

1. Abramkin, V.M., Lur'e, A.N. *Pisateli Leningrada (biobibliograficheskii ukazatel') [Leningrad Writers (biobibliography)]*. Leningrad, Lenizdat publ., 1964. 364 p. (In Russ.)
2. Al'tman, I. “Grubaja fal'sifikacija” [“Gross falsification”]. *Znamja*, 1948, no 3, pp. 179–183. (In Russ.)
3. Belov, S.V. *Bibliografija rabot A.S. Dolinina [Bibliography of the works of A. S. Dolinin]. Ocherki po istorii russkoj literatury. Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena [Essays on the history of Russian Literature. Scientific notes of the Herzen State Pedagogical Institute]*, vol. 309. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1966, pp. 372–375. (In Russ.)
4. Belov, S.V. *Polveka s Dostoevskim. Vospominanija [Half a century with Dostoevsky. Memoirs]*. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 212 p. (In Russ.)
5. Bogdanova, O.A. “A.S. Dolinin.” *Russkie literaturovedy XX veka: Biobibliograficheskij slovar' [Russian Literary Critics of the twentieth century: A Biobibliographical Dictionary]*, vol. I: A–L. Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2017, pp. 299–300. (In Russ.)
6. Dolinin, A.A. “Dolinin Arkadij Semenovich.” *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar' [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]*, vol. 2. G – K. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Fianit Publ., 1992, pp. 153–154. (In Russ.)
7. Dolinin, A.S. *Dostoevskij i drugie: Stat'i i issledovanija o russkoj klassicheskoj literature [Dostoevsky and Others: Articles and Research on Russian Classical Literature]*. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989. 478 p. (In Russ.)
8. Dolinin A.S. Iz publicistik 1919 g. [From the journalism of 1919], publ. by E.N. Dryzhakova, *USA. Russkajaliterature [Russian Literature]*, 1991, no 4, pp. 159–166. (In Russ.)
9. Dryzhakova, E.N. “Na perelome 1950-h: nashi zamechatel'nye uchitelja A.S. Dolinin i Ju.G. Oksman” [“At the Turning Point of the 1950s: our wonderful teachers A. S. Dolinin and Yu. G. Oxman”]. *Dryzhakova E.N. Po zhivym sledam Dostoevskogo. Fakty i razmyshlenija [In the living footsteps of Dostoevsky. Facts and reflections]*. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2008, pp. 443–478. (In Russ.)

10. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Yearbook of the Manuscript department of the Pushkin House for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)

11. Zil'bershtejn, I.S. "Novonajdennye I zabytye pis'ma Dostoevskogo" ["Newfound and forgotten letters of Dostoevsky"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 86. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 114–152. (In Russ.)

12. Ivanov, V.I. "Dostoevskij i roman-tragedija" ["Dostoevsky and the Novel-tragedy"]. Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 282–306. (In Russ.)

13. Krusanov, A. "A.V. Tufanov: arhangel'skij period (1918–1919 gg.)" ["A.V. Tufanov: the Arkhangelsk period (1918–1919)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1998, no 2 (30), pp. 92–119. (In Russ.)

14. Krylov, V.N. "Strukturnye osobennosti literaturno-kriticheskikh statej Serebrjanogo veka" ["Structural features of literary-critical articles of the Silver Age"]. Krylov, V.N. *Teorija I istorija russkoj literaturnoj kritiki: Uchebnoe posobie* [Theory and History of Russian Literary Criticism: Training manual]. Kazan', 2011, pp.79–94. (In Russ.)

15. Meletinskij, E.M. "O proishozhdenii literaturno-mifologicheskikh sjuzhetnyh arhetipov" ["On the origin of the literary and mythological archetypes narrative:"]. *Literaturnye arhetipy I universalii* [Literary archetypes and universalia], ed. E. M. Meletinsky. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 73–149. (In Russ.)

16. Mihajlova, M.V. "Literaturnaja kritika: jevoljucija zhanrovyh form" ["Literary criticism: the Evolution of genre Forms"]. *Pojetika russkoj literatury konca XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra: Obshhie problemy. Proza* [Poetics of Russian Literature of the late XIX – early XX century. Genre dynamics: General problems. Prose]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 620–704. (In Russ.)

17. "Pis'ma B.M. Jejhenbauma k A.S. Dolininu" ["Letters of B. M. Eichenbaum to A. S. Dolinin"], ed. introd., comm. by A. A. Dolinin. *Zvezda*, 1996, no 5, pp. 176–189. (In Russ.)

18. *Pushkinskij sbornik pamjati professor Semena Afanas'evicha Vengerova. Pushkinist IV* [The Pushkin collection to the memory of Professor Semen Afanasevich Vengerov. Pushkinist IV], ed. by N.V. Yakovlev. Moscow; Petrograd, Gosizdat Publ., 1922. XL, 363 p. (In Russ.)

19. Rozanov, V.V. *Legenda o Velikominkvizitore F.M. Dostoevskogo* [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 702 p. (In Russ.)

20. Tunimanov, V.A. "Don Iskoz." Dolinin, A.S. *Dostoevskij I drugie* [Dostoevsky and others]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989, pp. 3–30. (In Russ.)

21. Fridlender, G.M. "Pamjati uchenogo" ["In memoriam the scholar"]. *Russkaja literatura* [Russian Literature], 1968, no 4, pp. 232-234. (In Russ.)

22. Jejhenbaum, B.M. "Novoe v oblasti 'pushkinizma'" ["New in 'Pushkiniana'"]. Jejhenbaum, B.M. *O literature: Rabotyraznyh let* [On literature. Works of different years]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1987, pp. 305–310. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 1.02.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 1.02.2021

Date of publication: 25.03.2021

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография
литературной критики и эссеистики А.С. Долинина: 1906–1920

1. [Искоз А.С. О символистах] // Das Wort. Wien, 1906. № 7. См.: [3, с. 372].
2. Б. п. Зайцев и Ремизов // Бюллетени литературы и жизни. М., 1912. № 4. С. 177–181.
3. Долинин А. Новый труд по истории русской литературы. «История русской литературы XIX века» под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1912) // Русская мысль. 1912. № 4. XVII. В России и за границей. С. 30–37.
 Перепеч.: [7, с. 402–408].
4. Долинин А. Обреченный. (Сочинения А. Ремизова, тт. I–VIII) // Речь. 1912. 17 июня. С. 2.
5. Долинин А. Л.Я. Гуревич. «Литература и эстетика» (СПб., 1912) // Речь. 1912. 20 августа. С. 3.
 6. Долинин А. «Тихие зори». (Рассказы Б. Зайцева) // Речь. 1912. 1 октября. С. 2–3.
 7. Долинин А. Проблема смерти у Л.Н. Толстого // Речь. 1912. 8 ноября. С. 2–3.
 8. Долинин А. Новое о Ф.М. Достоевском. В.Ф. Переверзев «Творчество Достоевского» (М., 1912); Ч. Ветринский. Достоевский в воспоминаниях современников (М., 1912); А.Е. Врангель. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири (СПб., 1912) // Русская мысль. 1913. № 2. Отд. XXI. II. С. 12–16.
 Перепеч.: [7, с. 402–408].
9. Долинин А. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 152–162.
 Перепеч.: [7, с. 408–418].
10. Долинин А. Отрешенный. (К психологии творчества Федора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 55–85.
 Перепеч.: [7, с. 419–451].
11. Долинин А. Путник-Созерцатель (Творчество А.П. Чехова) // Заветы. 1914. № 7. Отд. II. С. 64–102.
 Перепеч.: [7, с. 289–331].
12. Долинин-Искоз А.С. «Цыгань» А.С.Пушкина // Пушкинист: Историко-литературный сборник. Т. 1 / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Фототипия и типогр. А.Ф. Дресслера, 1914. С. 17–44.
13. Долинин А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века. 1890-1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова: в 3 т. М.: Т-во «Мир», 1914. Т. 1. С. 295–356.
 Перепеч.: Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова: в 2 кн. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2000. Кн. 1. С. 279–332; Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова / послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 176–213.
14. Долинин А. «Мысль», сборник 1-й (изд. «Революционной мысли») // Дело народа. 1918. 21 (8) апреля. С. 4.
15. Долинин А. «Эпоха» (Книга первая) // Дело народа. 1918. 28 (15) апреля. С. 4.
16. Долинин А. О Достоевском. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, тт. 22 и 23, изд. «Просвещение» // Дело народа. 1918. 12 мая (29 апреля). С. 4.
17. Долинин А. Лев Толстой и его тень (О сущности русской души) // Воля народа. 1918. № 7 (май). С. 14–16.
18. Долинин А. Русская литература за 1918 год // Возрождение Севера. 1919. 1 января. С. 3–4.
19. Долинин А. Обреченные (Нечто вроде психологического этюда) // Возрождение Севера. 1919. 12 января. С. 2.
20. Долинин А. Повесть печали и надежды. (Об истинных победителях в этот страшный день) // Возрождение Севера. 1919. 18 января. С. 1.

21. *Алешин А.* Странная защита (Критический этюд) // Возрождение Севера. 1919. 19 января. С. 2.
22. *Алешин А.* Письмо (К вопросу о том, что такое историческое творчество) // Возрождение Севера. 1919. 26 января. С. 2. 2 февраля. С. 2.
23. *Алешин А.* «Окаменевшие рыцари» (К биографии искусства) // Возрождение Севера. 1919. 23 февраля. С. 2.
24. *Долинин А.* Святая масленица // Возрождение Севера. 1919. 1 марта. С. 2.
25. *Алешин А.* «Реликвии» (К вопросу о биографии) // Возрождение Севера. 1919. 9 марта. С. 2.
26. *Долинин А.* Аналогии (В эти дни) // Возрождение Севера. 1919. 16 марта. С. 2. Перепеч.: [8, с. 164–166].
27. *Долинин А.* Логика и Толстой // Возрождение Севера. 1919. 23 марта. С. 2. Перепеч.: [8, с. 162–164].
28. *Алешин А.* Певец весны, солнца и бури // Возрождение Севера. 1919. 20 апреля. (Под общим заголовком «Максим Горький»). С. 4.
29. *А.Д.* Кто он и как он жил? // Возрождение Севера. 1919. 20 апреля. (Под общим заголовком «Максим Горький»). С. 4.
30. *Алешин А.* С.Т. Аксаков в сороковые годы // Возрождение Севера. 1919. 18 мая. С. 3–4.
31. *Алешин А.* Две души // Возрождение Севера. 1919. 1 июня. С. 3–4.
32. *Алешин А.* Пленница Его Величества // Возрождение Севера. 1919. 15 июня. С. 2. 22 июня. С. 3.
33. *Долинин А.* Навозная жижица и золотые рыбки // Возрождение Севера. 1919. 6 июля. С. 3. Перепеч.: [7, с. 451–455].
34. *Долинин А.* Одинокий. (К характеристике личности Чехова по «воспоминаниям» его друзей) // Возрождение Севера. 1919. 15 июля. С. 3.
35. *А.С.* Художественная манера Чехова // Возрождение Севера. 1919. 15 июля. С. 3–4.
36. *А.Д.* Трагедия Чехова // Возрождение Севера. 1919. 16 июля. С. 3–4.
37. *Юрьев А.* Две души (Нечто в роде психологического этюда) // Возрождение Севера. 1919. 7 сентября. С. 3.
38. *Юрьев А.* Великое упование (Бакунин и творчество) // Возрождение Севера. 1919. 21 сентября. С. 2.
39. *Алексеев А.* Неоцененный // Возрождение Севера. 1919. 27 сентября. (Под общим заголовком «Памяти Леонида Андреева»). С. 2.
40. *Казанцев Б.* Непреодолимый ужас (Мотивы творчества Леонида Андреева) // Возрождение Севера. 1919. 27 сентября. (Под общим заголовком «Памяти Леонида Андреева»). С. 2.
41. *А.Д.* Писарев или Пушкин? (Вторая речь к читателю и о читателе) // Возрождение Севера. 1919. 28 сентября. С. 3.
42. *Алексеев А.* Бакунин (по Герцену) // Возрождение Севера. 1919. 12 октября. С. 3.
43. *Юрьев А.* Памяти Толстого // Возрождение Севера. 1919. 23 ноября. С. 4.
44. *Казанцев Б.* Чужие («Творчество», апрель–май 1919, Москва) // Возрождение Севера. 1919. 14 декабря. С. 4. 28 декабря. С. 4.
45. *Долинин А.* Литература в 1919 г. Обзор // Возрождение Севера. 1920. 1 января. С. 3–4.
46. *Долинин А.* В погибавшем Риме (Два монолога) // На Севере дальнем: Сборник стихов и рассказов. Архангельск: Б. и., 1919. С. 40–47.
47. *Юрьев А.* О жизни и творчестве А.И. Герцена // Возрождение Севера. 1920. 25 января. С. 3–4.
48. *Долинин А.* Памяти Герцена // Возрождение Севера. 1920. 1 февраля. С. 3.
49. *Долинин А.* О Мавриных (Письмо в редакцию) // Вестник литературы. 1920. № 12 (24). С. 12–13.